

Глава 24

Глядя на спокойствие этой троицы, Чу Шаоян и Чжан Дашань почувствовали, как внутри у них всё похолодело. Однако они всё ещё цеплялись за призрачную надежду и обыскали гвардейцев и их подопечного самым тщательным образом, буквально заглядывая в каждую складку одежды.

Разумеется, результат оказался предсказуемым: отрада для друзей и горькое разочарование для врагов.

Чжан Дашань выглядел совершенно раздавленным, бормоча себе под нос:

— Как это возможно? Где ты её спрятал?

Фу Сиянь, до этого с наслаждением наблюдавший за комедией, даже начал немного за него опасаться. Он всерьёз задумался: не заразился ли этот бедолага от Чу Шаояна каким-нибудь душевным недугом?

Вэй Ган жестом попросил сотника отойти в сторону и заговорил с ним тоном наставника, вкладывая в слова всю свою житейскую мудрость:

— Сотник Чу, вы молоды и талантливы, ваше будущее должно быть блестящим. Помните, что путь чиновника, как и путь воина, должен быть прямым и честным. Не позволяйте мелким корыстным побуждениям превратить вашу дорогу в узкую тропу, ведущую в тупик.

Однако Чу Шаоян, уже записавший инспектора во фракцию Фу, едва ли вслушивался в эти нравоучения.

Поскольку Чжан Дашань сам признался в том, что использовал служебных птиц для обыска чужих комнат, выгородить его было невозможно. Сотнику оставалось лишь смиренно признать:

— Благодарю за заботу, господин Вэй. В ряды Цзиньвэй затесалась «паршивая овца», и мне искренне стыдно за этот недосмотр. Я лично доставлю его к главнокомандующему Чу для суда, чтобы восстановить справедливость в отношении стража Фу.

Вэй Ган удовлетворённо кивнул:

— Вот и славно.

Больше всего сотник боялся, что инспектор заберёт пленника с собой, и, увидев, что тот не претендует на Дашаня, Чу Шаоян наконец облегчённо вздохнул.

Дальнейшее было делом техники: Чжан Дашаня заперли в отдельной комнате под строгой охраной. Юноша, желая сгладить углы, предложил инспектору устроить торжественный ужин в его честь, но тот вежливо отказался.

Вэй Ган пояснил, что прибыл в эти края по делам инспекции, случайно услышав о таинственных исчезновениях, и теперь, когда дело раскрыто, намерен отдохнуть и завтра же отправиться в путь. Старик улыбнулся бесхитростной улыбкой:

— Я перекушу на кухне. Трактирщик освободил меня от платы за постой и еду.

В этот момент хозяин гостиницы, сияя от счастья, подбежал к ним с блюдом в руках:

— Господин Вэй, взгляните скорее! Это и есть тот самый «Красный цвет благородной наложницы»?

Получив одобрителный кивок, трактирщик едва не пустился в пляс:

— Слава небу! Вы мой спаситель, господин Вэй! Вы меня от такой беды выручили! — и с этими словами он умчался обратно на кухню.

Старик пояснил недоумевающим гвардейцам:

— Когда я пришёл, хозяин сказал, что мест нет. Но стоило мне упомянуть, что я знаю рецепт этого блюда, как комната тут же нашлась.

Фу Сиянь невольно покосился на Чу Шаояна.

Когда Мэймэй изводила трактирщика своими капризами, Сиянь предлагал сотнику вмешаться, но тот отказался. В итоге хозяин, доведённый до отчаяния, сам впустил Вэй Гана, лишь бы угодить принцессе. Интересно, жалеет ли теперь юноша о своей давешней холодности?

На этом инцидент был исчерпан. Вэй Ган ушёл помогать на кухне, а Фу Сиянь и Чу Шаоян остались в зале заканчивать ужин.

В отличие от Сияня, который уплетал за обе щеки, Чу Шаоян едва притронулся к еде. Дождавшись, пока толстяк отложит палочки, сотник под благовидным предлогом удалился. Фу Сиянь же, прихватив нетронутые десерты, перебрался за стол к своим людям.

Жуя булочку с бобовой пастой, он заговорил с предельно серьёзным видом:

— Господин Вэй упомянул, что дело об исчезновениях закрыто. Завтра выберите в город и разузнайте, что на самом деле сейчас происходит в усадьбе Ивового Древа.

Чжоу Гэнгэн пожал плечами:

— Мы ведь уже выбрались оттуда. Какое нам дело до того, что там происходит, молодой господин?

Движения челюстей Сияня замедлились, и он горестно вздохнул.

«Мы вышли из ворот усадьбы, но это не значит, что мы действительно свободны»

Если слова Седьмой принцессы были правдой, то Дворец Бессмертных не оставит его в покое, пока не решится вопрос с «жёнами» Пэй Юаньцзиня.

— И что же нам нужно сделать, чтобы стать по-настоящему свободными? — недоуменно спросил Гэнгэн.

Сиянь задумался на мгновение:

— Нужно неустанно самосовершенствоваться.

Принцип «у слабого народа нет дипломатии» вполне применим и к отдельному человеку. Только сильный имеет право голоса. Раз уж он попал в мир великих мастеров, нельзя упускать такую возможность. Амбиции, дремавшие в его сердце долгих девять лет, пробудились и дали ростки под действием Пилюль Смешанного Ян.

«Моя судьба в моих руках, а не во власти небес!»

Как же воодушевляюще звучала эта фраза, пока её не затаскали все кому не попадя!

Чжоу Гэнгэн, заразившись его решимостью, тоже воодушевился:

— Значит, возвращаемся в комнату тренироваться?

— Нет, — Сиянь проглотил последний кусок булочки. — Сначала прогуляемся.

Гэнгэн замер в замешательстве.

— Сто шагов после еды — залог долгой жизни, — пояснил Сиянь.

Разумеется, эти сто шагов не были бесцельными. Юноша обходил самые людные заведения, но не заходил внутрь, а просто останавливался у порога «подышать воздухом». Стоило слугам выйти навстречу гостю, как он неспешно удалялся. Сделав так несколько раз, Чжунсинь и Гэнгэн поняли: он собирает слухи о последствиях дела похитителей.

— Кто бы мог подумать, что злодеи так быстро вернут людей, — заметил Чжоу Чжунсинь.

Они не слышали доклада Юй Сухуань и не знали, что похищения были делом рук отделов Грома и Молнии из Дворца Бессмертных. Сиянь догадывался о многом, но не знал деталей. Он полагал, что это была затея Лу Жуйчуня, а Пэй Юаньцзинь, узнав об этом, велел всех отпустить.

— Жаль только, что похищенные ничего не помнят, — добавил Гэнгэн.

Сиянь прекрасно его понимал. Это было похоже на финал сериала, в котором так и не назвали убийцу — ужасно раздражает. Однако вслух он произнёс:

— Может, так оно и лучше.

В реальном мире неведение порой и есть истинное счастье.

Пройдя ещё немного по улице, Сиянь вдруг тихо спросил:

— Это вы позвали Вэй Гана?

Он и сам знал ответ ещё до того, как задал вопрос. Это было скорее приглашение к честному разговору.

— Перед отъездом граф Юнфэн дал нам контакты нескольких высокопоставленных господ, — признался Чжоу Чжунсинь. — На случай, если мы попадём в беду, с которой не сможем справиться сами. Господин Вэй был одним из них. В юности он был учителем вашего отца и славится своей неподкупностью.

— И когда же вы отправили весточку?

Чжунсинь, не понимая, гневается юноша или нет, ответил с некоторой тревогой:

— В тот день, когда Го Пин нашёл яд в вашем чае... Мы взяли на себя смелость написать господину Вэю. Просим вашего наказания за самоуправство.

Гэнгэн склонил голову следом за братом.

Они привыкли называть его «молодым господином», выделяя среди старших братьев и вкладывая в это обращение долю снисхождения. Но сейчас тон Чжунсиня изменился. Это было признание.

То, как Фу Сиянь на глазах у Вэй Гана и Чу Шаояна загнал в ловушку Чжан Дашаня, доказало: этот юноша обладает острым умом и недюжинной хваткой. Даже сотник, которого считали «драконом среди людей», померк на его фоне. Коварство, с которым Сиянь заставил Дашаня подписать расписку, и решительность, с которой он её сжёг... Всё это никак не вязалось с их прежним образом «избалованного барчука».

Сиянь, конечно, заметил перемену в их отношении и остался весьма доволен. Прежнее «молодой господин» всегда вызывало у него неприятное чувство, будто он не «чиновник во втором поколении», а какой-то вечный ребёнок.

Когда они вернулись в гостиницу, в зале уже воцарилось спокойствие. Сиянь хотел было нанести визит инспектору, но вовремя спохватился: старик только что вершил правосудие, и бежать к нему с благодарностями — значит ставить под удар его репутацию. Даже если все всё понимают, приличия нужно соблюдать.

Делать было нечего, и он отправился отдыхать. С тех пор как он достиг пика Закалки Костей, события сыпались на него одно за другим. У него даже не было времени просто посидеть и осознать, что он снова стал «лучом надежды» для семьи Фу. Как долго и мучительно он шёл к этому...

Распахнув окно, Сиянь залюбовался лунным серпом, пытаясь привести мысли в порядок. Внезапно он увидел знакомый силуэт: какой-то юнец в панике спрыгнул с крыши напротив и мгновенно растворился в тени.

«Я из отдела Молнии» — казалось, эти слова были выжжены у паренька прямо на лбу. Сиянь вспомнил, где видел его раньше — это был тот самый наглец, который поймал сетью громовую гранату Лу Жуйчуня и требовал добавки.

Впрочем, толстяк не удивился. Поняв ценность Пилюль Смешанного Ян, он догадывался, что Дворец Бессмертных не спустит с него глаз. Тайная слежка — это ещё самый мягкий вариант.

Он спокойно закрыл окно и устроился на кровати для медитации.

«Небо движется неустанно, и благородный муж должен быть твёрд в самосовершенствовании...»

...Только вот когда под окном шумят, отдыхать решительно невозможно.

Сиянь поднялся и осторожно приоткрыл створку. Внизу, в тени здания, стояли Мэймэй и Чу Шаоян. Судя по обрывкам фраз, спор шёл о том, что девица хотела отправиться за украшениями для принцессы, а сотник настаивал на том, что это может сделать кто-то из подчинённых.

В итоге победило право сильного. Однако Мэймэй оказалась дамой суровой: перед уходом она одарила сотника такой звонкой пощёчиной, что эхо, казалось, разлетелось по всей улице.

Чу Шаоян отшатнулся. Его лицо в свете луны казалось чернее осеннего неба, а взгляд был полон холодной ярости. Он непроизвольно поднял глаза к окнам Фу Сияня.

Тот приветливо помахал ему двумя пальцами, мол, «брат, я тебя понимаю», но Чу Шаоян лишь круто развернулся и ушёл в ночь, явно не оценив сочувствия.

***

Осеннее солнце всходило всё позже, и Фу Сиянь позволил себе поспать лишние четверть часа. Ещё вчера Чу Шаоян велел всем собираться в дорогу, и когда Сиянь спустился в зал, большинство гвардейцев уже заканчивали завтрак.

Он подсел к своим людям. Отряд Чу Шаояна наполовину состоял из его верных сторонников по гвардии Юйлинь, а с остальными он успел свести знакомство за эти дни. Фу Сиянь и его спутники на этом фоне выглядели чужаками. К счастью, юноша, будучи в душе заправским затворником, ничуть не тяготился этим одиночеством в толпе.

Перед самым выездом Вэй Ган при всех подозвал его к себе. Сиянь, не дожидаясь расспросов, первым принёс извинения за то, что не зашёл вчера попрощаться, боясь пересудов.

Старик лишь хмыкнул:

— Ты — толстенький малец, я — дряхлый старик. Чего нам бояться, каких пересудов?

— ...Моё упущение, — пробормотал Сиянь.

— Я учил твоего отца, — продолжал Вэй Ган, — но он сделал для меня куда больше. Считаю, что в этот раз я вернул часть долга.

Сиянь почтительно склонил голову:

— Я обязательно передам ему ваши слова.

Старик улыбнулся, и Сиянь понял, что тот доволен. Инспектор достал из рукава письмо:

— Когда вернётесь, если Чу Гуан откажется наказывать Чжан Дашаня, отдай этот доклад Третьему принцу. Пусть он представит его Его Величеству.

Сиянь понимал: «представит Его Величеству» — это лишь предлог для того, чтобы принц оказал давление на главнокомандующего Чу. Он поблагодарил старика за прозорливость.

— Ты сын своего отца, — удовлетворённо кивнул Вэй Ган, — а значит, для меня ты как внук. Я должен сделать тебе подарок при первой встрече.

Сиянь уже приготовился вежливо отказываться, когда увидел, как старик выудил из рукава... медную монетку.

«Это что же, — подумал он, — этот „внук“ стоит всего один медяк?»

Вэй Ган положил монету на ладонь:

— Запомни этот узор. Если увидишь такой же на вывеске ломбарда или меняльной лавки, можешь прийти туда в полдень третьего или седьмого числа каждого месяца. Предъяви монету как знак, и сможешь купить любые сведения.

Фу Сиянь внимательно осмотрел монету. Она и впрямь отличалась от обычных: узор на ней напоминал цилиня, но при детальном рассмотрении были видны отличия.

— Это...

— Байцзэ, — пояснил Вэй Ган.

Сиянь сглотнул:

— Это ведь не связано с Дворцом Бессмертных?

Старик рассмеялся:

— Конечно нет. Тот, кто дал мне эту монету, сказал, что просто хочет лучше вести дела.

— Но если вы отдадите её мне, то сами...

— В моём возрасте она мне вряд ли ещё пригодится, — Вэй Ган по-доброму похлопал его по плечу. — Я помог тебе один раз, но всю жизнь ты должен полагаться только на себя.

Слова звучали просто, но в каждом из них таилась крупица истины. Сиянь, тронутый до глубины души, кивнул. Когда монета была спрятана, старик с облегчением вздохнул:

— Скажи отцу, что я выплатил свой долг.

«А как же подарок при первой встрече?»

Сиянь промолчал. Старик выглядел таким счастливым, словно сбросил с плеч тяжёлую ношу. Видимо, Фу Фу в своё время оказал ему поистине неоценимую услугу. Юноша принял дар, хотя и гадал: не хватит ли отца удар, когда он узнает, что сын обменял долг инспектора провинции на одну-единственную медную монету? Впрочем, граф Юнфэн был далеко, и его непутёвому отпрыску оставалось лишь действовать по обстоятельствам.

Когда они вместе вернулись к гостинице, на них скрестились десятки любопытных и настороженных взглядов. После вчерашней словесной дуэли за ужином Чжан Дашань, посмеявшийся перечитать сотнику, стал пленником. В пищевой цепочке этого маленького отряда Фу Сиянь внезапно оказался на самой вершине.

Чу Шаоян, отбросив прежнюю любезность, сухо попрощался с инспектором и увёл своих людей из этого городка, который принёс ему лишь разочарования и потери.

Сиянь, сидя в седле, не удержался и бросил последний взгляд в сторону усадьбы Ивового Дерева. Он не знал, что вскоре после их отъезда величественный Белый Тигр и роскошная карета тоже покинули ворота поместья и взяли курс на Лоян.

***

Ночь была тёмной, а тучи — тяжёлыми, предвещая затяжной осенний дождь. Чу Шаоян гнал лошадей, стараясь как можно быстрее добраться до лагеря, но обнаружил, что основные силы уже ушли. На месте их ждали лишь двое гвардейцев с донесением.

Оставленные стражи поначалу ворчали: Чжан Дашань прислал весть, что сотник нашёл принцессу и они скоро придут, но на ответные послания никто не откликнулся. Главнокомандующий Чу, не в силах больше ждать, приказал выступить. Однако увидев Чжан Дашаня со связанными руками под конвоем, стражи мгновенно притихли и деловито передали приказ Чу Гуана.

Когда принцесса исчезла, Третий принц не осмелился скрывать это от императора. Нагоняя он получил знатный, и императорский указ гласил: найти принцессу и прибыть в Лоян точно в срок. Ни мгновением позже.

Причины были ясны. Идея переноса столицы до сих пор встречала сопротивление при дворе. Император Цзяньхун хоть и правил твёрдой рукой, но тоже ощущал давление. Приезд Третьего принца в Лоян был событием первостепенной важности, и любая заминка могла дать повод оппозиции поднять голову.

Чу Гуан понимал всю серьёзность ситуации и рвался в путь, но принц, движимый братской любовью, тянул до последнего, желая дождаться вестей о сестре. К счастью, Императорское Астрономическое Бюро выделило время с запасом, и после стольких дней задержки всё ещё оставался шанс успеть.

Чу Шаоян не смел медлить. После короткой передышки отряд снова двинулся в путь. Проведя дни и ночи в седле, они прибыли в Лоян всего на день позже основных сил.

Новый дворец возводили к северу от реки Лохэ. Третий принц и Чу Гуан уже разбили лагерь неподалёку, планируя со временем создать здесь постоянный гарнизон Цзиньвэй. Казалось бы, гвардейцы наконец обрели свой дом, но хорошее настроение главнокомандующего Чу улетучилось сразу после доклада племянника о проделках Чжан Дашаня и Фу Сияня.

Глядя на раздосадованное лицо племянника, в которого он вложил столько сил, Чу Гуан понял: его метод воспитания «пусть сам учится на своих ошибках» в условиях придворных интриг дал сбой.

Он положил руку на плечо Чу Шаояну и, дождавшись, пока тот успокоится, спросил:

— Как ты думаешь, хочу ли я смерти Фу Сияня?

Тот замялся:

— Но мы ведь получили...

— Я спрашиваю, что думаешь ТЫ.

Юноша задумался:

— Дядя... не хочет?

Чу Гуан кивнул:

— Если бы я хотел его убить, зачем такие сложности? Яд, засада — возможностей была тьма. Он всего лишь на стадии Истинной Сущности и не может управлять ци. Прихлопнуть его для меня легче лёгкого.

Чу Шаоян хотел было вставить, что Сиянь уже достиг Закалки Костей, но вовремя сообразил: для его дяди, мастера стадии Ваджры, разницы никакой.

— Ху Юй оказал мне услугу, и я могу вернуть этот долг позже, — продолжал Чу Гуан. — Пока я главнокомандующий Цзиньвэй, случай представится. Но если я убью сына графа Юнфэна, я навсегда отвернусь от титулованной знати. С этого дня я стану лишь цепным псом Ху Юя и его фракции.

Он всегда понимал: союз с Ху Юем — дело временное, а его истинная опора — в кругу старой аристократии. Ху Юй тоже это понимал, потому и пытался замарать его руки этим делом. Племянник окончательно запутался:

— Но мы ведь всю дорогу изводили его?

Чу Гуан усмехнулся:

— Разве это не была своего рода защита?

У него был готов ответ для каждой стороны. Ху Юю он мог сказать, что пытается выманить парня из лагеря, чтобы прикончить его вдали от лишних глаз. Для Фу Сюаня же это было завуалированное предупреждение: когда тебя постоянно задирают, ты становишься бдительнее, а значит, у тебя больше шансов уцелеть в настоящей беде.

— А что делать с Чжан Дашанем? Фу Сиянь всё ещё требует свои пять тысяч лянов.

К Дашаню главнокомандующий испытывал лишь презрение — ни ума, ни чутья. Он позволил

ему поехать с Сиянем лишь после долгих наблюдений, и тот «оправдал надежды», вернувшись с позором. Впрочем, раз такой человек оказался при нём, значит, в этом был свой смысл.

— Пусть те, кому положено, ломают над этим голову, — отмахнулся Чу Гуан. — Не недооценивай силы, стоящие за Ху Юем.

Иными словами, пусть Ху Юй сам разгребает последствия, ведь это его протеже так облажался. Сам главнокомандующий не боялся разрыва отношений.

После этого откровенного разговора враждебность Чу Шаояна к Сияню поутихла настолько, что когда тот пришёл просить отгул, сотник подписал его не глядя. Это, в свою очередь, насторожило самого Фу Сияня — годы издевательств выработали у него рефлекс: если эти двое добры, жди беды.

Но упускать возможность погулять на свободе он не стал. Прихватив с собой Чжоу Чжунсиня, он отправился в город. Достигнув пика Закалки Костей, он решил, что охраны в одно лицо вполне достаточно.

Они всё утро бродили по рынку, потратив немало серебра, а к полудню Сиянь нашёл уютный ресторанчик, чтобы перекусить. Прямо напротив заведения располагался ломбард. Над входом висела вывеска, в углу которой красовался Байцзэ, пронзительно взирая на прохожих. Сиянь заметил эту эмблему ещё при въезде в город, а так как сегодня было двадцать седьмое число, решил испытать удачу. Оставалось надеяться, что монета окажется дельной, иначе Фу Фу расстроится ещё сильнее.

Заказав целый стол яств, Сиянь наелся до отвала, но, когда пришло время платить, на его лице отразилось искреннее огорчение:

— Серебро-то кончилось.

Чжунсинь, привыкший подыгрывать, сухо спросил:

— И что же нам делать?

Сиянь остался недоволен его игрой. Чжунсинь был слишком серьёзен, ему не хватало той искры и живых эмоций, которыми славился Гэнгэн. Впрочем, зрителей не было, и толстяк продолжил спектакль. Сняв с пояса нефритовую подвеску, он вздохнул:

— Придётся заложить её, а позже выкупить.

С этими словами он направился в ломбард напротив. Чжунсинь остался в ресторане в качестве залога, но его взгляд не отрывался от пухлой фигуры господина, пока тот не скрылся за дверями заведения.

В обеденный час в ломбарде было тихо. Хозяин, пристроившись в углу, шумно прихлебывал

лапшу. Увидев Сияня, он прищурил подслеповатые глаза:

— Желаете заложить или выкупить?

Сиянь положил подвеску на прилавок. Стойка была высокой, и старик смотрел на него сверху вниз, что создавало определённое давление. Он взял украшение, повертел в руках и лениво спросил:

— Нефритовая рыбка. С правом выкупа или без?

Вместо ответа Сиянь выложил на прилавок медную монету Вэй Гана:

— Как думаете?

Старик тут же переменялся в лице и подался вперёд:

— Какого рода сведения вас интересуют?

Сиянь решил для начала проверить систему:

— Новости Хаоцзина.

Старик кивнул и принялся копаться под прилавком. Достав толстую тетрадь, он послунывил палец и стал листать страницы:

— Свежие вести из столицы делятся на три разряда. Высший — сто лянов, средний — тридцать, низший — пять лянов. Что выберете?

— Для начала за пять лянов, — Сиянь положил на прилавок серебро.

Хозяин забрал деньги и поманил его пальцем, предлагая подойти поближе. Сиянь оглянулся на прохожих за дверью:

— Прямо здесь?

Старик скривился, явно презирая столь мелкую сделку:

— За пять лянов я должен ещё чаем вас поить, пока вы новости смакуете? Пару слов — и свободны.

— ...

Деньги были уплачены, и Сиянь подставил ухо. Старик прошептал:

— В Хаоцзине среди знатных семей за последнее время скоропостижно скончались четверо

молодых господ. Один утонул, катаясь на лодке, другой сгорел от лихорадки, третий случайно перерезал себе горло на тренировке, а четвёртый и вовсе в петлю полез.

Он загнул четыре пальца:

— Хотите знать имена — ещё один лян.

Сиянь добавил монету.

— Утопленник — старший внук графа Цзяньнина. Умерший от хвори — его же второй внук. Погибший на тренировке — второй сын маркиза Дэхуа. А повесился третий сын великого маршала Лю Яньшэна.

Сердце Сияня пропустило удар. Третий сын семьи Лю — это был именно тот бастард, за которого прочили его сестру. На мгновение ему захотелось спросить, нет ли ошибки, но он сдержался. В таких местах не стоит выдавать свои чувства.

***

Если бы он сейчас был в Хаоцзине, он бы ни на миг не усомнился в правдивости этих слов. Смерть четверых юношей за короткий срок ввергла столицу в состояние паники. Родственники погибших осаждали управу, требуя от префекта Хаоцзина ответа.

Префект был в отчаянии. Всё происходящее казалось невероятным.

Когда утонул первый внук графа Цзяньнина, все сочли это несчастным случаем. Когда вслед за ним от болезни скончался второй, люди лишь посочувствовали «чёрной полосе» в семье графа. Но когда искусный в воинском деле сын маркиза Дэхуа внезапно зарезался собственным клинком, по городу поползли слухи о заговоре. А когда жизнерадостный третий сын семьи Лю нашёл смерть в петле, ни у кого не осталось сомнений: в столице действует убийца.

Общество бурлило, и дело дошло до императорского двора. Поскольку трое из четверых погибших принадлежали к семьям военных, генералы в один голос твердили: это происки южного императора. Мол, Южная Юй испугалась переноса нашей столицы в Лоян и решила истребить будущую опору Северной Чжоу.

Кое-кто робко возражал, что старший внук графа Цзяньнина был известным гулякой и пьяницей и вряд ли мог считаться «опорой». Но смерть в результате заговора мгновенно окружила его ореолом мученика, а его похождения по борделям стали называть «помощью обездоленным девам». Семья графа была в ярости, и любой, кто смел усомниться в достоинствах покойных, рисковал столкнуться с гневом обезумевшего от горя старика.

В итоге голос разума утонул в криках о мести. Император и кабинет министров пока хранили молчание, но ненависть к Южной Юй в сердцах людей разгоралась всё сильнее.

***

Тем временем в Лояне Фу Сиянь, выслушав новости за пять лянов, выложил перед хозяином купюру в пятьдесят лянов. Когда тот с улыбкой её принял, Сиянь добавил:

— И двадцать лянов сдачи.

Сведения за тридцать лянов подавались в том же формате: старик шептал на ухо через прилавок.

— Племянник вдовствующей наложницы Чэнь недавно обзавёлся сыном. Так вот, ребёнок не его. Настоящий отец — монах Чжицзи из храма Минцзи.

Сиянь уставился на него с нескрываемым шоком. Старик самодовольно ухмыльнулся:

— Поразительно, не правда ли?

— Да уж, поразительно, — прорычал Сиянь. — И за ЭТУ чушь ты берёшь тридцать лянов?!

— Такого рода тайны стоят каждого медяка! — возмутился старик. — Подумай сам: если ты знаком с племянником наложницы и расскажешь ему правду, то...

— То я труп.

Кто в здравом уме захочет, чтобы о его позоре знал кто-то посторонний?

— Раз уж узнал — плати, назад деньги не верну, — отрезал хозяин.

Сиянь глубоко вздохнул. Каким бы бесполезным ни казался этот слух, способность этого заведения выуживать подобные секреты впечатляла. Вопрос лишь в том, насколько правдивы их сведения. Юноша как бы невзначай уточнил:

— А сколько стоят сведения о Пилюле Смешанного Ян?

Видимо, он был далеко не первым, кто об этом спрашивал. Старик даже не заглянул в книгу, а просто показал раскрытую ладонь.

— Пятьдесят лянов? — Сиянь нахмурился и полез за кошельком.

— Пять тысяч лянов, — отрезал старик. Видя, как вытянулось лицо клиента, он поспешил пояснить: — Это я ещё в десять раз цену скинул. Когда слух только появился, сведения продавали по пятьдесят тысяч лянов в одни руки.

«Да ты грабитель!» — подумал толстяк и уже развернулся к выходу, но хозяин его окликнул:

— погоди, юноша! Чего ты такой вспыльчивый? Раз уж ты сегодня наш постоянный клиент, сделаю тебе скидку.

Сиянь вернулся. Старик хитро прищурился:

— Четыре тысячи пятьсот лян.

— Верни подвеску, — юноша протянул руку.

Старик замялся, неохотно возвращая залог:

— Это правда самая низкая цена.

— Больше тысячи не дам и не проси, — отрезал Сиянь. Половину сбережений он оставил в усадьбе Ивового Дерева, а денежки Чжан Дашаня так и не попали к нему в руки. Казна была пуста.

Поняв, что это предел, хозяин внезапно согласился:

— Ладно, пусть будет тысяча.

«Переплатил»

Но за тысячу лян сервис мгновенно преобразился: хозяин с широкой улыбкой распахнул дверь во внутренние покои и пригласил его на чашку чая. Чай за тысячу лян...

— Несите сразу ведро! — буркнул Сиянь.

Разумеется, ведра чая не последовало. Ему подали самый обычный сорт, который можно найти в любой лавке, что лишь подтверждало легендарную скупость содержателей ломбардов. Сиянь отхлебнул глоток и тут же потерял интерес к напитку:

— Рассказывай. Откуда взялась Пиллюля Смешанного Ян и для чего она нужна. И чур больше цену не задирать!

Старик усмехнулся:

— Не беспокойтесь. Сведения, которые вы купили специально, не чета тем, что за пять лян. Там мы специально даём общую информацию, чтобы завлечь клиента. А за детали нужно платить.

Сиянь мысленно намотал это на ус. Раз он сам мечтает открыть своё дело, таким приёмам коварного маркетинга стоит поучиться.

— Говорят, что Пэй Сюнцзи при изучении «Искусства Священного Пламени» столкнулся с какими-то скрытыми препятствиями, из-за чего ему пришлось уйти в затвор в самом расцвете сил, — начал старик. — Пэй Юаньцзинь изучает ту же технику, и чтобы он не повторил судьбу отца, Аптекарь Железной Желчи Цзян Сю специально создал девять Пиллюль Смешанного Ян.

— Всего девять?

— Получить девять штук было невероятно трудно! — воскликнул хозяин. — На них ушло несметное количество редчайших сокровищ. Даже стоимость испорченной пиллюли при создании была баснословной!

Сиянь невольно сглотнул.

— Рассказывают, что, когда пиллюли были готовы, горы и моря содрогнулись, а в небесах девять дней не смолкал гром, как при рождении великого артефакта.

Старик покосился на гостя и подлил ему воды. Сиянь жадно выпил, пытаясь унять дрожь:

— Продолжай.

— Однако эти пиллюли предназначались не для самого Молодого господина Пэй, — старик сделал паузу для пущего эффекта. — «Искусство Священного Пламени» слишком властное, чем выше уровень мастерства, тем сильнее оно разрушает тело. Поэтому Цзян Сю предложил использовать путь гармонии Инь и Ян, чтобы усмирить эту яростную ци. Дворец Бессмертных заранее начал искать подходящих невест для своего наследника. И в тот день, когда пиллюли были готовы, лучшие красавицы и воительницы Поднебесной — Бань Цинъюй из Духовной школы, Ся Сюэнун из крепости семьи Ся, Вэнь Пин из Союза Северных Земель — все они поспешили во Дворец Бессмертных.

Статус Молодого господина Дворца Бессмертных в мире боевых искусств был равен статусу наследного принца великой империи. А учитывая таланты самого Пэй Юаньцзиня, он был завидным женихом для любой. Сиянь долго молчал, прежде чем спросить:

— И для эффекта нужно принять именно три пиллюли?

Старик искренне удивился. Этот факт был одной из самых сокровенных тайн, и то, что клиент знал об этом, заставило хозяина почувствовать, что он не прогадал с этой тысячью лянов.

— Верно. Для нужного результата необходимо принять три штуки. А значит, место супруги Молодого господина могут занять лишь три женщины. Те, кого я назвал — главные претендентки.

Он помолчал и веско добавил:

— Больше мест нет и не будет.

В этот раз молчание Сияня затянулось настолько, что старик уже хотел было выставить гостя за дверь. Наконец толстяк тихо, почти шёпотом, спросил:

— А что будет, если съесть только две?

Старику вопрос показался издёвкой:

— Пилюль всего девять! Пэй Юаньцзинь должен быть безумцем, чтобы позволить кому-то съесть только две и испортить всё дело!

«Я не знаю, безумен ли Пэй Юаньцзинь, но я сам скоро сойду с ума»

Прав был поэт: в этом мире по-настоящему безумны те, кто сохранил ясность ума. Покидая ломбард с пустыми карманами, Сиянь с ужасом осознал, что за огромные деньги купил себе лишь ворох тревог и страхов. Он вернулся в ресторан, расплатился и вместе с Чжунсинем направился к лагерю.

Юноша шёл, терзаемый мрачными мыслями, как вдруг пространство вокруг него словно сгустилось. Невероятно мощная, леденящая душу аура накрыла его с головой. Ощущение было такое, будто он — крохотный кролик, а за его спиной затаился исполинский хищник, готовый к прыжку.

Инстинкты сработали быстрее разума. Сиянь рванулся вперёд, преодолев одним прыжком добрых десять шагов. Эта способность действовать мгновенно уже спасала его от удара Тан Гуна, и в этот раз, похоже, тоже не подвела. Когда он пришёл в себя, удушающее давление исчезло, оставив лишь недоумённые взгляды случайных прохожих.

Чжунсинь подбежал к нему. Глядя на холодный пот, выступивший на лбу господина, он настороженно огляделся:

— Молодой господин, что случилось?

— Ты... ты ничего не почувствовал? — выдохнул Сиянь.

Увидев замешательство на лице гвардейца, Сиянь понял: тот, кто излучал эту ауру, по силе намного превосходил стадию Ваджры. А значит, это был не Чу Гуан. Но кто ещё в Лояне мог питать к нему такую враждебность?

Ответ пришёл мгновенно, и он был очевиден. Сиянь горько усмехнулся.

«Если за ним пришёл сам Пэй Юаньцзинь, то в этот раз ему точно не спастись»